

«Из прежних моих поучений вы могли вывести, что мужчина — дурак; теперь вам известно, что женщина — дьявольская дура».

*Марк Твен. «Письма с земли.
Письмо восьмое».*

Большинство фамилий названных здесь лиц изменены. Почти все приведенные факты соответствуют действительности. Автор приносит извинения людям, так или иначе изображенным в романе.

Вместо вступления

Повсюду царило ликование. Прорвавшие Берлинскую стену люди веселились прямо у Бранденбургских ворот, столько десятилетий служивших символом раздела немецкой нации. Ненавистную Стену крушили, к восторгу собравшихся, прямо на глазах. Били кирками, молотками, просто руками. Молодые парни и девушки танцевали на Стене, раз-

махивая руками. В эту ночь два Берлина, бывшие столько лет разными городами, наконец объединились. Хлынувшие с Восточной стороны толпы народа прорвали Стену и соединились со своими родными и близкими с другой стороны города.

Он был одним из немногих, кто в эту ночь не разделял восторга собравшихся. Старательно объезжая места особого скопления людей, он искал любую возможность проехать из Западной зоны в Восточную. Но сегодня, когда перестала существовать граница и была разрушена Стена, сделать это было непросто. Казалось, можно пройти откуда угодно. Пограничники в эти дни словно позабыли о своих обязанностях. Но идти через контрольные пункты было невозможно. Повсюду стояли толпы людей.

Пробившись к одному из подобных пунктов, он около часа пытался пробиться на Восточную сторону. Люди в эту ночь словно обезумели, многие

жители Восточного Берлина стремились попасть в Западный. Пограничные пункты ранее были символами раздела не только Берлина, не только немецкой нации, но и всего мира, четко поделив его пополам. Словно построенная за одну ночь, Стена оказалась зримым воплощением безумного мира разделившегося на два лагеря и пытавшегося победить в ожесточенной «холодной» войне.

Наконец он сумел вырваться из толпы и быстро зашагал по улице. Машину пришлось оставить в Западном Берлине. В эти ночные часы улицы Восточного Берлина были непривычно пусты. Словно все население города было стянуто к Стене. Конечно, это была только видимость. Толпа, состоящая в основном из молодых людей, определяла настрой города. Пожилые люди, не согласные с ними, предпочитали отсиживаться дома.

Ему пришлось идти минут пятнад-

цать, пока наконец он не свернул на тихую улицу в поисках телефонного автомата. Подойдя к телефону, он еще раз оглянулся. Быстро поднял трубку, набрал номер.

— Это я, — сказал он торопливо, — только что прибыл с другой стороны. У меня срочное сообщение от Барона.

— Где ты находишься? — спросил его знакомый голос.

Он назвал адрес.

— Я сейчас приеду, — пообещал его собеседник. — Жди меня на месте. Никуда не отлучайся.

Он повесил трубку.

Через пятнадцать минут подъехала темно-синяя «Шкода». Он хорошо знал сидевшего за рулем. И, не раздумывая, нырнул в машину.

— Добрый вечер, — сказал прибывший, — где твоя машина?

— Оставил на другой стороне. На машине сегодня ночью проехать невозможно.

— Понятно, — мрачно кивнул встречавший гостя. — Все словно сошли с ума. Устроили такую вакханалию... Какие сведения от Барона? — Он мягко тронул автомобиль, оглядываясь назад. Все было спокойно.

— Он просил передать, что имеет точные данные, подтверждающие активизацию западногерманской разведки в Югославии. С участием сотрудников восьмого управления Министерства обороны и представителей Министерства иностранных дел разрабатывается план по дестабилизации положения в этой стране, и, как следствие, развал ее на несколько автономных частей, включая Хорватию и Словению, через которые будущая Германия сможет выйти к Средиземному морю.

— Будущая Германия, — зло усмехнулся сидевший за рулем, — кому это все нужно? Какая она будет?

— Я просто передаю его сообще-

ние, — связному не нравилось настроение приехавшего, но он не стал с ним спорить.

— Вон там будущая Германия, — показал его собеседник, — орут от радости. Завтра они пойдут приступом на наше ведомство, и уже завтра вечером мы все будем висеть на фонарных столбах. Эгон Кренц оказался просто болтуном. А Хонеккер не мог больше оставаться. Его бы не поддержал Горбачев, а без русских танков мы ничто. Блеф. Пустое место. — Он резко свернул к каналу, проезжая мимо равнодушно стоявшего пожилого прохожего. Тот, похоже, никуда не спешил.

— Это не мое дело, — строго ответил связной, — я должен сегодня вернуться в Западный Берлин.

— И ты тоже такой, — зло сказал встречающий, — все вы бывшие моралисты. А сам наверняка радуешься, что успел вовремя устроиться в Западном Берлине. И теперь не пропадешь в любом случае.

— Я выполнял задание.

— Знаю я ваши задания. Только ходите туда и обратно. А мы все сидели в этом дерьме. Тебе ничего не грозит, ты у нас чистенький. Документы в порядке, образцовый гражданин Западной зоны. А нам всем что делать? Куда бежать? В Советский Союз? Так где гарантия, что Горбачев не выдаст нас, если сдал всю нашу страну, целиком, без остатка.

Он подъехал к каналу и остановился недалеко от моста.

— У тебя нет никаких директив для агентуры? — связному все меньше нравился этот разговор.

— Ты так торопишься?

— Конечно. Мне нужно быстрее вернуться... Так есть какие-нибудь директивы?

— Есть, — усмехнулся его собеседник, — конечно есть. Сейчас я их тебе вручу.

И, достав из внутренней кобуры пистолет, он, не раздумывая, выстре-

лил в сидевшего рядом с ним человека, вышибая ему мозги. Салон машины забрызгала кровь.

— Директивы, — скрипнул зубами встречавший, — ему еще нужны директивы. Проклятые сволочи! Испортили мне всю жизнь.

Выйдя из автомобиля, он перетащил тело убитого на свое место. Быстро обыскал карманы, доставая из них документы, деньги и ключи от машины. Затем, достав свой паспорт и несколько ненужных бумажек, сунул их в карман убитого. Тщательно вытер рукоятку пистолета и вложил его в левую руку погибшего, чтобы была версия самоубийства.

— Директивы, — все время хрипел он от ненависти, — им еще нужны директивы.

Поставив автомобиль на холостой ход, он вылез из него и толкнул машину по направлению к каналу. Через несколько секунд послышался удар о легкие деревянные ограждения, по-

ставленные здесь рабочими. Машина, проломив препятствие, почти беззвучно вошла в воду. Он еще некоторое время смотрел, как наполняется водой салон и его «Шкода» уходит под воду. И только когда все было кончено, тяжело вздохнул, словно действительно расставался с прежней жизнью. Раз и навсегда. Позади был трудный путь. Впереди ждала неизвестность. Но она его уже не пугала.

Он еще раз посмотрел на то место, где исчезла машина, и пожал плечами, словно оправдывая сам себя.

— Директивы, — сказал он нервно, — какая все это глупость.

1

Полгода спустя

Он сидел в автомобиле и терпеливо ждал, когда удастся въехать на основную дорожку, ведущую ко входу в туннель. На часах была уже половина пятого, и он начинал нервничать, постукивая пальцами правой руки по рулю. В любом случае нужно было ждать, пока наконец рассосется эта гигантская пробка, протянувшаяся от самого Нью-Йорка до Манхэттена.

Он еще надеялся, что удастся проскочить этот туннель, сумев выехать на Манхэттен до того, как машины, следовавшие одна за другой, плотно сольются в единый автомобильный поток, из которого уже будет невозможно выбраться. Но он ошибся. Впрочем, это и неудивительно. Пока

улаживались все необходимые формальности в аэропорту, пока он ждал прибытия самолета из Берлина и, наконец, пока появился этот Шмидт, прошло более трех часов. И все три часа в аэропорту он нервничал, ожидая в любой момент громких криков полиции либо таможенных служб. Он даже предъявил свой дипломатический паспорт и получил специальную карточку, чтобы пройти внутрь, поближе к стойкам сотрудников иммиграционных служб, которые проверяли всех прибывших в страну гостей.

Но все прошло благополучно. Шмидт появился, правда, одним из последних, проходя паспортный контроль. С визой все было в порядке, и он вышел на площадку без чемоданчика, который предусмотрительно сдал в багаж. Никогда в жизни они так не ждали появления багажа на линии транспортера, как в этот раз. Но наконец чемоданчик был получен